

Рассматривается методологический аспект творческого наследия Марка Григорьевича Мееровича. Показана эволюция взглядов ученого от практической школы В. А. Павлова, через круг Г. П. Щедровицкого и главенствующую историософскую традицию Фуко. В последние годы жизни М. Г. Меерович приступил к реализации фундаментальной работы по обновлению межпредметной методологической базы архитектуры. Его неожиданная смерть прервала эту масштабную и перспективную работу.

Ключевые слова: архитектура; теория; методология; М. Г. Меерович; история; биография. /

The article reviews the methodological aspect of Mark Grigorievich Meerovich's creative legacy. It shows the evolution of the scientist's views, from V. A. Pavlov's practical school, through G. P. Shchedrovitsky's circle and Foucault's mainstream historiosophical tradition. During the last years of his life, M. G. Meerovich started implementation of a fundamental work on updating of interdisciplinary methodological basis of architecture. His sudden death terminated this substantial and promising work.

Keywords: architecture; theory; methodology; M. G. Meerovich; history; biography.

М. Г. Меерович. Из неизданного / M. G. Meerovich. From Unpublished Works

Когда от нас уходит человек яркий, неординарный и значительный, всегда есть потребность осознать и подытожить все, что он сделал, подумал, написал. Однако порой уход совершается внезапно. По выражению братьев Стругацких, любая смерть мага безвременна, и Марк Григорьевич Меерович, несомненно, был тем самым магом из классической повести, которую наше поколение знало почти наизусть. И для нас, оставшихся, гораздо полезнее осмыслить – что ушедший не успел. Недодумал, недоговорил, не окончил.

Марк Григорьевич был человеком очень чутким и восприимчивым к идеям, наиболее активным в окружающей его интеллектуальной среде. В ранней юности он успел получить заряд творческой смелости от общения с «могучей кучкой» учеников и соратников В. А. Павлова. Формируясь как ученый, он никак не мог миновать самую «горячую точку» московской деятельной школы – кружка Г. П. Щедровицкого. Погрузившись в историю архитектуры, испытал мощное влияние господствующей историософской школы. Эта методология, укушенная ядовитым зубом Мишеля Фуко, ищет и находит в любом историческом процессе лишь самые мрачные, примитивные и отвратительные мотивы – властолюбие, алчность, животную сексуальность в духе БДСМ и так далее.

Заметим, что господство и само появление столь однобокой методологии показывает, насколько комплекс наук о человеке отстает от комплекса естественно-математических наук. Разрыв продолжает нарастать; вместо прогресса в гуманитарной области наблюдается ярко выраженный регресс. Во времена Геродота Галикарнасского Клио была музой парадных гимнов для прославления олимпийцев и стратегов. Современная история (психология, социология, политология...) работает в стилистике панк-рока, но методологически она вернулась в пятый век до нашей эры. Труды современных историков полны черной желчи и ярости, но научная логика и объективность (хотя бы на уровне здравого смысла) в них исчезли напрочь. Неудивительно, что и небывалое развитие технологий сегодня протекает на фоне все большего одичания в сферах, где преобладает человеческий фактор.

Процессы схоластического вырождения гуманитарной методологии трудно заметить изнутри, пока принадле-

жишь к той или иной «научной» секте. Но Марк Григорьевич обладал редкостной интеллектуальной подвижностью, готовностью воспринимать новые способы мировосприятия, что так необходимо для выхода за рамки принятых теорий. Плюс к этому – общительность и могучее личное обаяние, привлекавшее к нему множество умных и мыслящих людей. Общаясь с представителями самых разных интеллектуальных областей, он пришел к выводу о необходимости построения нового, более взвешенного и прикладного подхода к архитектурной теории. И тут ему пришлось начинать с самого начала, с наработки надежного фактографического фундамента.

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Несколько десятилетий его насыщенной жизни были посвящен добыванию объективных фактов. С удивительным упорством и изобретательностью Марк Григорьевич пробивался сквозь напластования пустой породы, состоящей из чередования прославлений и проклятий, безудержного восхваления и столь же безудержного очернения – пока не добрался до рудного тела первичных документов. Помню, как, вернувшись из очередной поездки в Германию (а в немецких архивах, как выяснилось, советские документы сталинского периода сохранились гораздо полнее, чем в отечестве), Марк Григорьевич с восторгом рассказывал: «Представьте себе, я получаю в архиве папку с документами, открываю – и вижу на карточке запись о предыдущем читателе этих бумаг. И вижу, что эту папку в прошлый раз открывали в 1938 году!...»

Огромный труд по изысканию и добыче объективных фактов уже начал приносить свои плоды. Выходили книги, статьи, читались доклады и лекции. Трактовки и выводы все еще оставались в русле главного потока, в духе Фуко. Демоническая фигура Сталина, правда, заменялась на полуабстрактную фигуру «советского государства», не менее сверхъестественную. В остальном риторика публикаций пребывала все в тех же рамках обличения абсолютного зла. Надо заметить, что самого Марка Григорьевича эти «фукоизмы» удовлетворяли все меньше. Но давила инерция. Помнится, на конференции в Челябинске в 2008 году я спросил Марка: что, собственно, он имеет в виду под словами «советское государство насильственно создавало дефицит жилья»? Что или кого конкретно он обвиняет в таком бесчеловечном поведении? Ответа я не получил, но позже, в гостиничном номере, Марк мне разъяснил всю неуместность подобных вопросов во время публичного доклада. Мы так и продолжали обсуждать эту тему приватно, в застольных беседах, иногда раскалявшихся вплоть до крика и взаимных обид (к счастью, недолгих).

Но уже был подготовлен фундамент для следующего шага: наработан достаточный авторитет, выращено множество учеников и потенциальных последователей, приобретены необходимые регалии, звания и степени. Уже можно было выдвигать новую, межпредметную методологию изучения архитектуры, и даже появлялась надежда, что ее заметят.

Собственно говоря, этот подход мы использовали уже много лет назад, в серии статей по дизайну интерьера. Статьи выходили в самых первых номерах журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ», а главным редактором тогда был замечательный мастер и человек В. Ф. Бух – и для меня такая публикация сильно повышала самооценку. Позже эти материалы многократно перепечатывались разными изданиями, отдельные статьи срастались даже в цельную книгу, но издать ее мы не успели. В статьях тех лет методология не объявлена в открытом виде. Метод как таковой спрятан под россыпью любопытных фактов и легким, разговорным стилем изложения, так что даже проницательный А. Г. Раппапорт не увидел в этих публикациях ничего, кроме еще одной классификации культур в духе Винкельмана. И то прогресс: все-таки восемнадцатый век нашей эры, а не пятый до.

Многие разработки тех лет вспоминаются сегодня с удовольствием и конструктивным интересом. Скажем, так и не опубликованная система, обещавшая построить метод целебного интерьер-дизайна – такого оформления жилья, которое помогает человеку справляться с его уникальными личностными проблемами. Нечто подобное декларировал и применял на практике Фриденсрайх Хундертвассер, но в более узкой и специализированной форме, лишь как способ преодоления депрессии.

Остались без оформления и многие педагогические находки Марка Григорьевича. На нашем совместном

семинаре студенты-архитекторы осваивали основные конструкции при помощи телесных переживаний – скажем, два студента брали на себя роль колонн, а третьего держали на плечах; он изображал балку. Потом «стоечно-балочный» опыт обсуждался и зарисовывался в наглядных образах. Неудивительно, что на такие факультативные семинары студенты, бывало, сбегали и с плановых занятий.

В зрелый период своего научного развития, тот самый, который так внезапно прервался, Марк Григорьевич напряженно искал подходы, позволяющие с единых позиций рассматривать весь клубок межпредметных связей, образующих реальную архитектуру. Физика и химия, климатология и политика, психология и социология – все это влияет на развитие архитектуры и должно быть учтено в ее анализе. Собранный Марком Григорьевичем огромный массив фактов об одном, четко очерченном хронотопе должен был послужить основой для осознания закономерностей, не привязанных ни к какому конкретному месту и времени. Деятельностный метод Г. П. Щедровицкого – образцом научной систематичности. Практика архитектурного проектирования и сохранения культурного наследия – полигоном для проверки теоретических моделей в столкновении с градостроительной реальностью.

В 2015 году мы с Марком Григорьевичем приняли решение о том, что новая концепция созрела для опубликования. Решение было принято в начале апреля (точную дату я, к сожалению, забыл). Мы столкнулись как-то случайно, завязался разговор – и так, пройдя в беседе несколько километров по иркутским улицам, мы сформулировали план серии статей по урбанистической теории информационных потоков. Через два года вышли первые статьи (на английском языке).

Теория информационных потоков (ТИП) выглядит непривычно и даже чужеродно в сегодняшнем гуманитарном контексте. В ней нет расплывчатых дефиниций, позволяющих бесконечно играть со смыслами слов. Мало того, понятийный аппарат ТИП настолько ясен и четок, что допускает изложение на языке математики. В ней нет романтических образов, демонических правителей и праведных мучеников – вместо них фигурируют объективные законы природы. В ней нет героико-трагедийного пафоса, обращенного целиком в прошлое, зато есть вполне конструктивные рекомендации по управлению развитием современных городов. В общем, ТИП отвечает скорее не эстетическим, а научно-практическим критериям.

Вполне естественно, что первые публикации не были замечены. Начиная этот проект, мы рассчитывали получить первый отклик только через четыре – пять лет. К 2020 году мы надеялись реализовать также несколько локальных проектов по практическому использованию ТИП в разных областях архитектуры и дизайна. Начали собирать материалы еще к нескольким статьям – их должно было получиться около пятнадцати, а затем планировалось объединить тексты в книгу.

Все эти планы теперь вряд ли имеют шанс на продолжение. Негде взять человека с таким же уникальным сочетанием интеллектуальной силы и гибкости, с такой же готовностью сражаться за научную идею. Многим мыслям и начинаниям Марка Григорьевича Мееровича суждено остаться в рубрике неизданного.